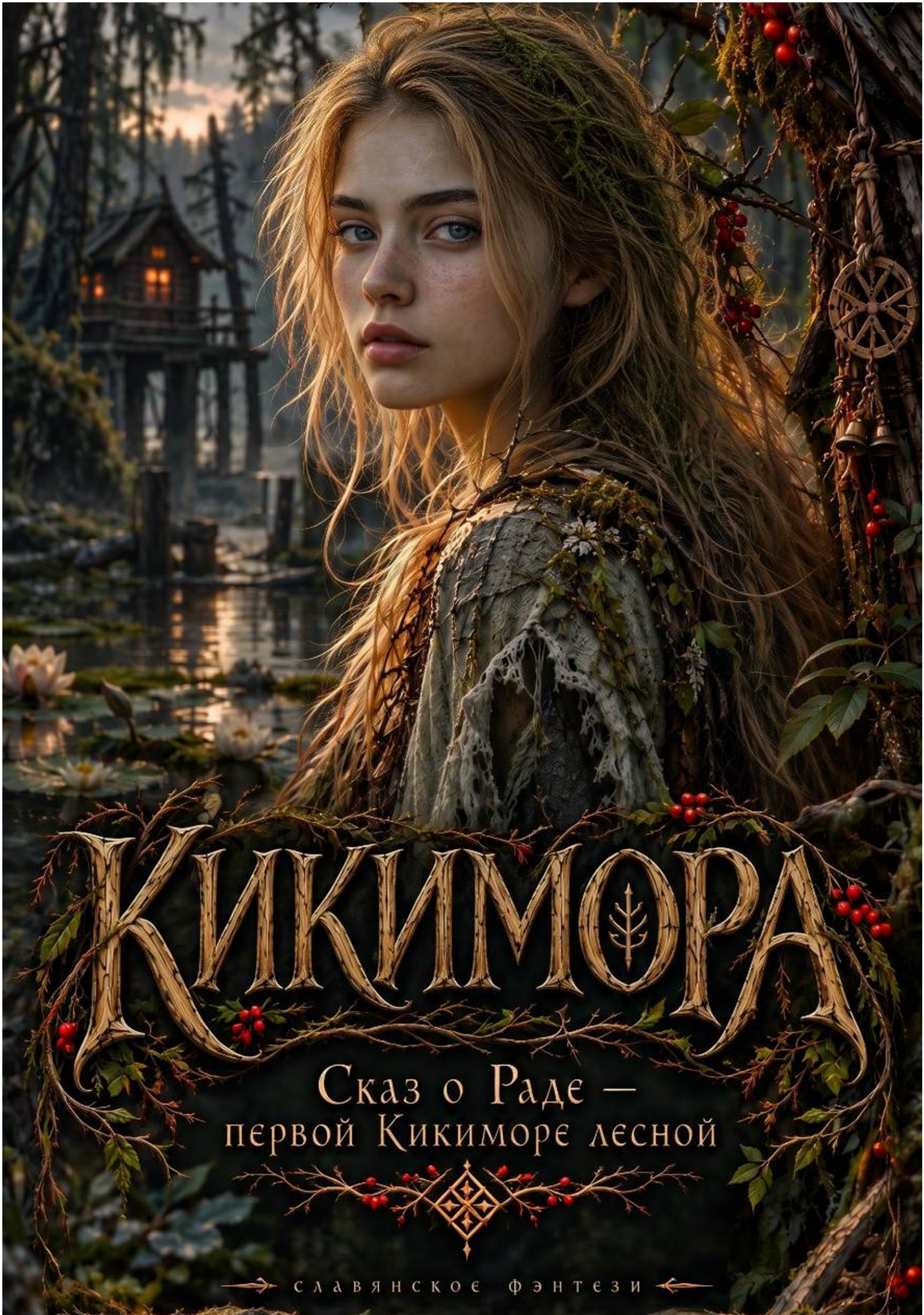

Кикимора
Сказ о Раде —
первой Кикиморе лесной
славянское фэнтези

Софья Ознобишина

Кикимора

«Автор»
2026

Ознобишина С.

Кикимора / С. Ознобишина — «Автор», 2026

На краю деревни, у самой границы древнего леса, живёт шестнадцатилетняя Рада — старшая дочь в большой семье. Она привыкла заботиться о младших, помогать родителям и ставить чужие нужды выше собственных. Но когда засуха приносит голод, а младший ребёнок тяжело заболевает, Рада отправляется в лес на поиски живой воды.Пока её нет дома, происходит непоправимое. В отчаянии мать произносит страшные слова — и древний лес принимает её проклятие. Вернуться домой прежней Рада уже не сможет: ей суждено стать первой кикиморой лесной.Но исчезает ли человеческое сердце вместе с прежней жизнью? Сможет ли Рада сохранить любовь к родным, когда между ней и семьёй пролегла невидимая граница?Это история о силе слова и тяжести материнского отчаяния, о древних поверьях и тайнах леса, о потере, вине и любви, которая не исчезает даже тогда, когда человек становится частью иного мира.

© Ознобишина С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Софья Ознобишина
Кикимора

Глава 1

"Ночь, когда родилась Рада"

Раннее майское утро только-только занималось над землёй.

Над полями стлался лёгкий туман, цепляясь за молодую траву и ложась серебристой дымкой в низинах. Влажная после ночной росы земля пахла прелыми листьями, свежей корой и прошлогодней соломой. За околицей темнела дубовая чаща, ещё сонная, молчаливая, укрытая прозрачной поволокой. А над дальними деревьями уже светлело небо, обещая тёплый день.

В небольшой веси, приютившейся у лесной опушки, люди давно проснулись.

Мужчины выносили из сараев сохи и деревянные бороны, женщины перебирали семена, дети таскали к грядкам корзины с прошлогодней картошкой и луком. Кто-то уже копал землю возле избы, кто-то поправлял изгородь, а кто-то, стоя на коленях в огороде, осторожно опускал в тёмную почву первые семена.

Май не ждал.

Нужно было успеть посадить, пока земля хранила весеннюю влагу, пока солнце не высушило верхний слой почвы и пока тёплые дни не сменились холодными ночами. От того, насколько удачно пойдёт работа теперь, зависело, будет ли осенью в каждом доме хлеб, найдётся ли зерно для нового посева и хватит ли еды детям до следующей весны.

Жили люди небогато. Трудились от зари до темноты, берегли каждую горсть зерна, чинили одежду до тех пор, пока ткань совсем не истончалась, а обувь передавали от старших младшим. Зимы переживали впроголодь, весной доедали последние запасы, а летом работали так, словно от каждого движения рук зависела сама жизнь.

Но даже в тяжёлые времена люди умели радоваться.

Радовались первому тёплому дождю, зелёной траве у порога, голосам вернувшихся птиц, здоровому телёнку и детскому смеху, доносившемуся из соседнего двора. Радовались тому, что после долгой зимы снова можно было выйти на свет, вдохнуть запах прогретой земли и поверить: впереди будет лучше.

В одной из крайних изб веси в то утро тоже ждали радости.

Только была она не похожа на ту, которую можно увидеть в распаханном огороде или услышать в весёлом голосе соседа.

Она приходила в мир с болью.

В избе было жарко, хотя солнце ещё не поднялось высоко.

Печь давно погасла, оставив после себя только тёплый дух золы. В маленьком оконце, затянутом бычьим пузырём, дрожал бледный рассветный свет. На лавке у стены лежали чистые полотна, рядом стояла деревянная кадка с водой, а на столе горела лучина, отбрасывая неровные тени на бревенчатые стены.

Мать Рады рожала тяжело.

С самого вечера предыдущего дня боль приходила и отступала, оставляя после себя короткие передышки. Женщина цеплялась за них, пыталась перевести дыхание, закрывала глаза, надеясь, что самое трудное уже позади. Но боль возвращалась снова — сильнее, глубже, беспощаднее.

Повитуха, пожилая женщина с натруженными руками и внимательным взглядом, почти не отходила от роженицы. Она знала, как принимать детей, как поддерживать уставшую мать,

как не поддаваться страху, когда дело становилось тяжёлым. Однако и она с каждым часом всё чаще хмурилась.

— Дыши, милая, — тихо приговаривала она, придерживая женщину за плечи. — Не торопись. Вот так. Набери воздуху. Теперь отпусти. Слышишь меня?

Мать кивала, но сил у неё оставалось всё меньше.

Лицо побледнело, губы пересохли, волосы прилипли ко лбу. Она уже не пыталась говорить. Только сжимала край полотна, в которое вцепились её пальцы, и изредка шептала что-то себе под нос.

Может быть, просила помощи у Бога, которого знала по рассказам старших. Может быть, вспоминала мать, давно ушедшую в землю. А может, просто повторяла собственное имя, стараясь удержаться за него среди боли и усталости.

За дверью ходил отец.

Он выходил на крыльцо, спускался к колодцу, возвращался в сени и снова останавливался возле двери. В руках у него то оказывалась деревянная кружка с водой, то полотенце, то совершенно ненужная в эту минуту щепка, которую он зачем-то подбирал с пола.

Он не знал, куда себя деть.

Всю жизнь его учили работать. С малых лет он умел рубить дрова, править соху, чинить крышу, распрягать лошадь, определять по облакам, будет ли дождь. Он знал, как поднять тяжёлый пень, как обойти топкое место в лесу, как вытащить из земли корень, который не поддавался лопате.

Но сейчас, за этой дверью, происходило то, чему нельзя было помочь силой рук.

И от этого незнания ему было страшнее, чем перед любым зверем в лесной чаще.

Он остановился возле косяка и прислушался.

Изнутри донёсся приглушённый стон. Потом голос повитухи. Потом снова тишина, в которой было слышно, как потрескивает лучина.

Мужчина закрыл глаза.

— Только бы жива была, — прошептал он. — Только бы обе живы были.

Он произнёс это едва слышно, словно боялся, что собственные слова могут потревожить происходящее.

Ведь ребёнка они ждали.

Не потому, что так было заведено, не потому, что семье полагалось иметь детей. Они давно мечтали о малыше, говорили о том, как изменится дом, как придётся переставить лавку, освободить место возле печи, смастерить маленькую зыбку. Иногда вечерами, когда работа наконец отпускала их, они представляли, как однажды в их избе зазвучит детский голос.

Теперь этот голос был совсем близко.

И всё же до него, казалось, оставалась целая вечность.

Когда солнце коснулось верхушек деревьев, мать Рады уже почти не чувствовала времени.

Ей казалось, что ночь не закончилась, что стены избы сдвинулись ближе, а воздух стал тяжёлым и густым. Повитуха говорила с ней, подавала воду, вытирала лицо влажным полотном, но слова доходили словно издалека.

Женщина устала настолько, что на миг ей захотелось просто закрыть глаза и больше ничего не делать.

Именно тогда повитуха крепко взяла её за руку.

— Послушай меня, — сказала она уже строже. — Ещё немного. Ты слышишь? Ещё немного, родная. Держись.

Мать открыла глаза.

В её взгляде был страх. Не только за себя — за ту маленькую жизнь, ради которой она терпела эту боль. Она ещё не видела своего ребёнка, не знала, на кого он будет похож, каким

станет его голос, будут ли у него её глаза или отцовская улыбка. Но уже любила его той любовью, которой не нужны ни лицо, ни имя.

Она собрала последние силы.

За стеной запел первый петух.

Где-то во дворе застучали ведром о край колодца. Соседская женщина окликнула ребёнка, велев не топтать свежие грядки. Жизнь веси просыпалась окончательно, и никто из людей за её пределами не знал, что в этой маленькой избе решалась судьба целой семьи.

А потом раздался детский плач.

Тонкий, слабый в первую секунду, он вдруг окреп и наполнил избу звонким, сердитым голоском.

Повитуха выдохнула так шумно, будто сама только что пережила тяжёлую работу.

— Девочка, — сказала она. — Слышишь, милая? Дочка у тебя.

Мать не сразу поняла смысл этих слов.

Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами. По её виску скатилась капля пота. Грудь тяжело поднималась и опускалась, а на лице медленно проступало выражение человека, который возвращается издалека и ещё не верит, что добрался домой.

— Дочка? — наконец прошептала она.

— Дочка, — повторила повитуха. — Живая. Кричит вовсю.

Мать закрыла лицо ладонями и заплакала.

Не от боли — хотя боль ещё не отпустила её окончательно. Не от страха — хотя страх не исчез бесследно. Она плакала от облегчения, от усталости, от переполнявшей её любви, которая вдруг стала такой большой, что уже не помещалась внутри.

— Дай мне её, — прошептала она. — Пожалуйста, дай.

Повитуха бережно завернула младенца в чистое полотно, проверила, как девочка дышит, и осторожно передала матери.

Маленькая головка уместилась на сгибе её руки. Лицо было красным после рождения, кулачки крепко сжаты, а ротик всё ещё открывался в недовольном плаче. Девочка двигала ногами под тканью, будто уже собиралась спорить с целым миром.

Мать посмотрела на неё — и перестала плакать.

Она просто смотрела.

На маленький нос, на сморщенный лоб, на тёмные влажные ресницы, на пальчики, которые с удивительной силой обхватили край её рубахи.

— Господи, какая же ты маленькая, — прошептала она.

Повитуха улыбнулась.

— А ты думала, сразу богатыря родишь? Погоди, вырастет ещё. На ноги встанет — и за тобой по всему двору бегать будет.

Мать тихо рассмеялась сквозь слёзы. Смех вышел слабым, почти беззвучным, но это был первый спокойный звук, который появился в избе за долгие часы.

— Посмотри на неё, — сказала она. — Посмотри, какая…

Она не смогла подобрать слово.

Красивой? Конечно, красивой. Для неё в ту минуту не существовало на свете никого прекраснее.

Сильной? Может быть. Девочка кричала так сердито, словно уже возмущалась тем, что её потревожили.

Живой? Это слово было самым верным. Живой — и потому бесценной.

Мать прижала дочь к груди и осторожно провела пальцем по её щеке.

— Здравствуй, моя маленькая, — сказала она. — Здравствуй, доченька.

Когда повитуха наконец вышла в сени, отец стоял у стены, опустив голову.

Он сразу поднял глаза.

— Ну? — спросил он, и голос его сорвался. — Как она?

Пожилая женщина не стала сразу отвечать. Она посмотрела на него с той усталой добротой, которая приходит к людям, много раз видевшим чужой страх и чужую радость.

— Жена твоя жива, — сказала она. — Измучилась сильно, но теперь ей отдых нужен. А дочка у вас родилась.

Мужчина замер.

— Дочка…

Он повторил это слово так, словно пробовал его на вкус, словно до этой минуты не знал, что оно может звучать настолько прекрасно.

— Дочка, — подтвердила повитуха. — Первая твоя.

Он провёл ладонью по лицу. Улыбнулся — и тут же отвернулся, будто не хотел, чтобы старуха заметила, как дрогнул его подбородок.

— А жена? — спросил он снова. — Она точно…

— Точно. Иди к ней, только не шуми. Ей покой нужен.

Он распахнул дверь, но на пороге остановился.

В избе пахло тёплым полотном, водой и древесным дымом. Мать лежала на постели, бледная, ослабевшая, с закрытыми глазами. У неё на руках покоилась маленькая девочка.

Отец не сразу решился подойти.

Он видел жену усталой и больной, видел её после тяжёлой работы, после долгих зимних вечеров, когда приходилось чинить одежду при свете лучины. Но такой он её ещё не видел. Казалось, за эту ночь она прошла через нечто огромное, оставившее на ней след, который не был виден глазу.

Он сел рядом и осторожно коснулся её руки.

— Как ты? — спросил он.

Жена повернула к нему голову.

— Жива, — ответила она с усталой улыбкой. — И она жива.

Мужчина посмотрел на ребёнка.

Девочка уже не плакала. Она шевелила губами, будто искала что-то во сне, и морщила нос. Одна ручка выбралась из полотна, и крошечные пальцы раскрылись, словно пытались ухватить полоску света, лежавшую на материнской груди.

Отец протянул руку, но остановился, не решаясь прикоснуться.

— Можно? — спросил он.

— Конечно, — улыбнулась жена. — Это же твоя дочь.

Он осторожно подхватил девочку, как поднимают что-то хрупкое, чего нельзя уронить ни при каких обстоятельствах. Младенец оказался легче, чем он ожидал, и в то же время мужчина почувствовал такую ответственность, что ему пришлось глубоко вдохнуть.

Он держал дочь на руках, не зная, куда деть локти, как поддерживать её головку и можно ли вообще шевелиться.

— Да ты не бойся, — тихо сказала жена. — Она не из стекла.

— Знаю, — ответил он.

Но по тому, как бережно он прижимал девочку к себе, было ясно: пока он боялся всего на свете.

Младенец пошевелился и недовольно сморщил лицо.

— Гляди, — прошептал отец. — Уже сердится.

— На тебя, должно быть, — сказала жена. — Долго разглядывал.

— А на кого же ещё?

Они улыбнулись друг другу.

Впервые за долгие часы в их избе стало спокойно.

Отец опустил взгляд на дочь. Он пытался запомнить её такой: крошечной, тёплой, с нахмуренным лобиком и крохотным ртом. Ему казалось, что стоит моргнуть — и она изменится, станет другой, перестанет быть той самой девочкой, которая только что появилась в мире.

— На кого похожа? — спросил он.

Жена чуть приподнялась на локте, чтобы лучше видеть.

— Пока ни на кого. Совсем маленькая ещё.

— А мне кажется, на тебя.

— Это почему же?

— Упрямая. С самого рождения.

Жена тихо рассмеялась.

— Уж если на меня, так пусть хоть глаза твои возьмёт.

— А мне бы хотелось, чтобы твои.

— Значит, будут у неё и мои, и твои, — сказала она. — Как у всякого ребёнка.

Отец задумался.

Он никогда прежде не размышлял о том, как выглядит будущее. Оно всегда представлялось ему простым: весна, посев, лето, работа, осень, урожай, зима, которую нужно пережить. Год за годом, пока хватало сил. А теперь перед ним лежала маленькая девочка, и будущее вдруг стало иным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.